

Длинные ногти ведьмы скользнули по монете и сломали её, но она, казалось, не чувствовала боли. На её висках вздулись вены. Она резко встала и громко спросила:

— Скажи мне, кто она! Кто убийца?

— Что?..

Монета выпала из её ладони, звякнула, покатила по полу и застряла в щели стола.

Шэнь Мянью прочитал реплику, которую должен был произнести Цинь Мо в роли Лу Ци.

Он спросил:

— Что она сказала?

По сценарию, Лу Ци был атеистом, поэтому его тон был полон раздражения.

Ведьма продолжала смотреть в ту точку, её глаза светились странным блеском. Она вдруг захихикала — в этом смехе было что-то необъяснимо мистическое.

Очень тихим голосом она медленно проговорила:

— Она сказала... что этого человека не существует в этом мире.

Лу Ци пришёл в ярость:

— Вздор! Значит, её убил призрак?

Ведьма медленно повернулась к нему, тихо произнесла «тссс» и посмотрела на него с глубокой жалостью и нежностью:

— Офицер Лу, ты веришь, что в этом мире есть дьяволы?.. Некоторые люди куда страшнее дьяволов.

Сказав это, она покачала головой и отказалась говорить дальше.

— Кат! — крикнул Шэнь Мянью. — Цинь Мо, ты сделал отлично. Ван Лин, подумай над этим, завтра продолжим. На сегодня всё, заканчиваем.

Ван Лин поспешно согласилась и поблагодарила Цинь Мо.

Многие в съёмочной группе до этого скептически относились к Цинь Мо, но после этой сцены все притихли.

Роль была не самой сложной, но его одежда и грим совершенно не соответствовали персонажу. Без помощи внешних атрибутов он сумел передать атмосферу и эмоции, заставив всех сразу погрузиться в сцену, — это было самым трудным.

Подземная парковка.

Шэнь Мянью только открыл дверь своей машины, как чья-то рука легла поверх его. Он поднял взгляд и увидел Цинь Мо.

— Что-то случилось?

Цинь Мо взглянул на его красный Ferrari и вместо ответа спросил:

— Ассистент Ван сегодня не пришёл?

Шэнь Мянью ответил:

— Он взял отгул. Говорит, на свидание.

Цинь Мо кивнул:

— Я буду твоим временным водителем.

Шэнь Мянью не сразу согласился, а с интересом погладил подбородок:

— Удивительно. Неужели сегодня солнце взошло с запада?

Цинь Мо, привыкший к его язвительности на съёмочной площадке, даже не испытал желания возразить. Этот мужчина, даже когда был высокомерным и язвительным, выглядел так прекрасно, что на него невозможно было не смотреть.

Он сказал:

— Если ты не отказываешься, значит, согласен.

С этими словами он взял ключи у Шэнь Мянью, сел на водительское место и спросил:

— Прямо домой?

Шэнь Мянью, подперев щеку рукой, лениво промычал:

— Угу.

Цинь Мо спросил:

— Режиссёр Шэнь, я никогда не слышал, чтобы ты говорил о своих родителях. Они за границей?

Шэнь Мянью, листая новости на телефоне, ответил:

— Они давно в разводе. Им нет до меня дела, мне тоже нет до них.

Цинь Мо замолчал.

Шэнь Мянью продолжил:

— Так что, пока твой отец ещё хочет с тобой общаться, не будь упрямым. Вернись домой пораньше, возможно, удастся получить побольше наследства. Иначе, когда он умрёт, ты останешься ни с чем.

Цинь Мо, глядя прямо перед собой, сказал:

— Мне не нужны его деньги.

Шэнь Мянью фыркнул со смешком:

— Тогда чего же ты хочешь? Наверняка есть что-то, чего ты желаешь, раз решил вернуться в страну для развития, верно? В конце концов, у всех есть амбиции, особенно когда они так близки.

Руки Цинь Мо на руле резко сжались. Он сказал:

— Режиссёр Шэнь, что ты вообще знаешь обо мне? Я знаю, в твоих глазах я — незаконнорожденный сын Цинь Юйтяня, бастард семьи Цинь. Кроме этого, пожалуй, никакого другого статуса у меня и нет.

— Так же, как и все считают, что моя мать — бесстыдная любовница, которую бросили, и она заслужила свою горькую судьбу. Но кто знает, что она была самой большой жертвой.

В те годы мать Цинь Мо не знала, что у господина Циня уже есть семья. Она была красива, происходила из неплохой семьи, её родители были скромными учителями и не имели понятия о мире богатых кланов и бизнес-магнатов.

Манера речи, осанка господина Циня разительно отличались от тех мужчин, с которыми она общалась раньше. Он был красив, богат и очень внимателен к ней, охотно исполнял все её желания. Она, молодая и неопытная девушка, естественно, влюбилась.

Возможно, её самой большой ошибкой было родить ребёнка от этого мужчины, не зная всей правды.

Она понимала, что её происхождение не ахти, и думала, что с ребёнком получит признание его семьи, что этот мужчина женится на ней.

Но вместо предложения руки и сердца она дождалась визита его законной супруги.

За короткое время она пережила злые нападки, о которых и помыслить не могла в первой половине жизни. Её репутация была разрушена, родители, стыдясь её, порвали с ней отношения. Так она осталась в полном одиночестве и в итоге согласилась на условия семьи Цинь: взяла деньги, уехала с ребёнком за границу и поклялась никогда больше не ступить на землю Хайчэна.

В чужой стране им с сыном жилось нелегко, но денег хватало, так что нельзя было сказать, что плохо.

Однажды Цинь Мо случайно услышал от соседей, что он «незаконнорожденный». Хотя тогда он ещё не понимал значения этого слова, он чувствовал скрытое за ним презрение и пренебрежение.

Позже мать Цинь Чжэна, та самая госпожа Цинь, воспользовалась случаем, чтобы «навестить» его и мать за границей. Маленький он запомнил лишь высокомерное, непоколебимое поведение той госпожи и робость, с которой его мать отступала перед той женщиной.

— Я когда-то хотел взобраться на вершину и вернуть той женщине всё унижение, которое она причинила моей матери. Но я не успел вырасти, как она умерла.

Цинь Мо сказал:

— Поэтому наследство семьи Цинь меня не интересует.

Шэнь Мянью, выслушав его, достал сигарету и закурил.

Медленно выпустив кольцо дыма, он повернул голову и с улыбкой спросил:

— Правда?

Цинь Мо кивнул.

Но Шэнь Мянью покачал головой и невозмутимо произнёс:

— Я думаю, нет. Я думаю, тот, кого ты по-настоящему ненавидишь, — не госпожа Цинь, а... Цинь Юйтянь, твой родной отец. То, что ты не хочешь наследства, — правда, потому что ты ненавидишь эту семью. Ты хочешь уничтожить всю корпорацию «Цинь», верно?

Машина резко свернула на парковочную полосу. Цинь Мо сидел на водительском месте, его лицо было бесстрастным.

Шэнь Мянью стряхнул пепел с сигареты и усмехнулся:

— Не рассказывай свою историю первому встречному. Это опасно, понимаешь?

— Ты расскажешь Цинь Чжэну?

Шэнь Мянью фыркнул со смехом и переспросил:

— Зачем мне это? Честно говоря, я с нетерпением жду, кто же из вас двоих в итоге одержит победу. Только не разочаруй меня.

Сказав это, он потянул Цинь Мо за галстук, притянул к себе и поцеловал в губы.

Резкий, обжигающий поцелуй с привкусом табака — опасный и опьяняющий, как и сам этот мужчина.

Цинь Мо прищурился, глядя на него. Мужчина перед ним мягко прикрыл глаза, его густые ресницы трепетали, словно крылья, кожа была безупречно белой, как у фарфоровой куклы. Во всём мире не найти человека прекраснее него.

Можно ли считать, что этот поцелуй — утешение?

Он думал, что в этом мире никому нет до него дела, но этот мужчина всегда удивлял его.

Шэнь Шубай грубо ворвался в его мир, властно отнял его внимание, говорил с ним самые неприятные слова, но каждое его действие было продумано для его же блага. Как можно не влюбиться в такого человека?

Он приподнял подбородок Шэнь Мянью и тихо сказал:

— Шэнь Шубай, я не одна из твоих прежних игрушек. Раз уж ты меня задел, не надейся остаться в стороне.

Шэнь Мянью было приятно от его поцелуев, ему было не до слов, он лишь продолжал тянуться к нему, выпрашивая поцелуй.

Цинь Мо усмехнулся уголками губ, его взгляд стал невероятно нежным. Он мягко притянул

Шэнь Мянэ к себе, обнял и принялся вновь и вновь покусывать и тереть его губы.

Машина стояла на обочине дороги. Двое внутри бесстыдно целовались, их языки сплетались. Для Цинь Мо это был самый дерзкий поступок за более чем двадцать лет его жизни.

На людях, в машине, целоваться с женщиной.

Он был молод, смел, легко поддавался порывам и, влюбившись, отдавался без остатка, не оставляя пути к отступлению.

Шэнь Мянэ знал его слишком хорошо. Цинь Мо ничего не боялся, но совершенно не выносил, когда кто-то проявлял к нему доброту. Он скорее заведёт тысячи врагов, чем будет кому-то обязан.

Это было связано с условиями, в которых он рос с детства. Помощь со стороны других воспринималась им как удар по самолюбию. Он был гордым и потому не мог этого принять.

<http://bllate.org/book/15553/1414919>